

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ СТАЛЬНЫЯ ПУШКИ.

Исторія одного изобрѣтенія.

I.

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ находится не особенно большая, такъ называемая, облегченная 12-ти фунтовая стальная пушка съ вычеканенною на ней надписью слѣдующаго содержанія: «отлита въ 1860 году на Князе-Михайловской фабрикѣ изъ стали Обухова, выдержала болѣе 4.000 выстрѣловъ».

Съ того времени, какъ эта пушка попала въ музей, прошло голько 34 года,—число лѣтъ, почти равное числу пудовъ замѣчательной пушки¹⁾; между тѣмъ всѣ уже успѣли забыть, что она пробила брешь въ монополіи знаменитаго Круппа, избавивъ Россію отъ эго тяжелой зависимости при снабженіи орудіями русской арміи. Какимъ образомъ съ этою музейною древностью связано появленіе первыхъ русскихъ стальныхъ пушекъ, исторію которыхъ я и наѣренъ разсказать въ настоящей статьѣ.

Павель Матвѣевичъ Обуховъ, отецъ стальныхъ пушекъ въ Россіи, происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Вятской губ., родился зъ 1820 г. Образование получилъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ²⁾, при выпускѣ изъ котораго съ званіемъ поручика

¹⁾ Точный вѣсъ ея 32 пуда 35 фунт.

²⁾ Нынѣшній Горный Институтъ, реформированный въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

получилъ большую золотую медаль. Не смотря на прекрасные успѣхи въ наукахъ и блестящее окончаніе курса, Обуховъ былъ опредѣленъ сначала на мизерную и ничего незначащую, третьестепенную должность смотрителя при Серебрянскомъ заводѣ Пермской губ. въ 1845 г. Этотъ рѣзкій переходъ въ страшную провинціальную глушь, гдѣ многіе инженеры опускались до нравственнаго паденія и погибали отъ *delirium tremens*, могъ печально отразиться и на пылкомъ молодомъ смотрителѣ завода, особенно если принять во вниманіе культурные нравы горнозаводскаго общества того времени, членомъ котораго онъ дѣлался по своему положенію.

Уральскіе горные инженеры описываемой эпохи составляли очень замкнутую кастовую группу, съ гордостью и холоднымъ презрѣніемъ относившуюся къ остальному безправному горнозаводскому населенію, работавшему изъ-подъ крѣпостной палки, подъ вѣчной угрозой тяжкаго и позорнаго наказанія за малѣйшую провинность. Чувствуя себя въ положеніи помѣщиковъ собственниковъ, въ распоряженіе которыхъ была отдана многотысячная толпа заводскихъ рабовъ, они большею частію вели чисто сибаритскій образъ жизни, предаваясь праздности, кутежамъ, картежной игрѣ, устраивая спектакли, пикники, маскарады и т. п. Изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи была неисчерпаема, но зато вся уходила только въ придумываніе новыхъ видовъ развлеченій и удовольствій, средства для которыхъ брались «безгрѣшными» способами изъ остатковъ и смѣтныхъ «отчисленій» казенныхъ суммъ...

Страшная удаленность отъ центровъ, отдѣлявшихся первобытными путями сообщеній отъ медвѣжьихъ уральскихъ окраинъ, отсутствіе опасеній за правительственный контроль и газетную гласность, о которой тогда никто не смѣлъ и думать,—придавали инженерамъ особенную увѣренность въ томъ, что все сойдетъ съ рукъ, будетъ шито, крыто и мохомъ поростетъ. О пользѣ для казны, этой дойной коровы, предоставлявшейся на Уралѣ во власть инженеровъ, никто изъ нихъ не помышлялъ, потому что если можно было и безъ этого стяжать обильные доходы, то другаго стимула къ заботамъ о казенномъ интересѣ уже не отыскивалось и сыскаться не могло.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ тяжелой умственной и нравственной атмосферы дѣлалъ первые шаги служенія государству, прославившійся впослѣдствіи, изобрѣтатель литой стали и первый мастеръ первыхъ изъ нея пушекъ. Но счастливая звѣзда охраняла его.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ назначенія смотрителемъ Серебрянскаго завода, Обуховъ былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію въ заграничную командировку, главнымъ образомъ въ Германію, для усовершенствованія въ горнозаводскомъ дѣлѣ, предпочтительно же для изученія желѣзнаго и мѣднаго производства,

съ обязательствомъ прослужить за эту командировку въ горномъ вѣдомствѣ 6 лѣтъ.

Въ поѣздкахъ по германскимъ заводамъ Обуховъ провелъ два года, но возвратился изъ-за границы не прямо въ Серебрянскій заводъ, а въ Петербургъ, въ которомъ жилъ 4 мѣсяца, составляя отчетъ о своемъ путешествіи. Только въ сентябрѣ 1848 г. онъ снова прибылъ въ Серебрянскъ, откуда почти тотчасъ же переведенъ управителемъ Кушвинскаго завода съ чиномъ штабсъ-капитана.

Спустя три года, именно въ 1851 г., Обуховъ дѣлается управителемъ Юговскаго завода, и здѣсь у него впервые зарождается идея изобрѣтенія литой стали. Стоя на высотѣ горной науки своего времени и съ пользою для себя проведя два года въ Германіи, которая славилась развитіемъ горнаго дѣла, Обуховъ имѣлъ полную возможность, не стѣсняясь чьимъ либо вмѣшательствомъ, приняться за опыты надъ выплавкой стали. Нужно думать, однако, что техническія средства Юговскаго завода были не достаточно обширны для приведенія къ концу этихъ опытовъ. Какъ бы то ни было, завершиться имъ удалось только въ Златоустѣ, куда Обуховъ перешелъ управителемъ оружейной фабрики въ мартѣ 1854 г.

Впрочемъ, это было столь же счастливое сочетаніе зародившейся идеи изобрѣтенія стали со средствами Златоустовскаго завода, сколько и повышеніе по службѣ, такъ какъ должность управителя оружейной фабрики по іерархической лѣстницѣ считалась выше должности управителя простаго желѣзодѣлательнаго завода, затеряннаго гдѣ-то въ трупобахъ Уральскихъ горъ. Наконецъ, какъ центръ огромнаго горнозаводскаго округа, Златоустъ представлялъ и болѣе заманчивыя условія жизни среди многочисленнаго, почти непрерывно обновлявшагося состава инженеровъ, которые присылались сюда на службу и для изученія какихъ нибудь подробностей заводскаго и оружейнаго дѣла ¹⁾. Ученые путешественники, русскіе и иностранные, также нерѣдко бывали въ Златоустѣ, оживляя своими посѣщеніями мѣстную жизнь, возбуждая обмѣнъ мыслей по части теоретическихъ и прикладныхъ знаній.

Златоустовская оружейная фабрика ворочала бюджетомъ въ сотни тысячъ. Она изготовляла всякаго рода офицерское и солдатское оружіе и постоянно нуждалась въ хорошей стали для инструментовъ, употреблявшихся при выдѣлкѣ оружія. Сталь эта выписывалась изъ Англии и обходилась въ баснословно дорогую цѣну, искусственно поднимая стоимость фабричныхъ издѣлій, не

¹⁾ Извѣстный впоследствии писатель и сановникъ Е. П. Ковалевскій служилъ въ Златоустѣ помощникомъ горнаго начальника съ 7 апрѣля 1846 по сентябрь 1847 г., при чемъ два раза исправлялъ должность горнаго начальника

говоря уже о зависимости отъ иностранцевъ этой богатой и превосходно обставленной фабрики. Правда, мѣстный заводъ въ томъ же Златоустѣ приготавливалъ свою, такъ называемую, сырцовую сталь, но она была низкаго качества и не годилась прежде всего, какъ инструментальная сталь.

Судя по ходу опытовъ надъ выплавкой стали, планъ всей работы былъ обдуманъ очень старательно. Имѣя въ виду не только качество, но также и дешевизну будущей стали, Обуховъ обратилъ вниманіе на способъ ея производства посредствомъ сплава въ тигляхъ. Тиглемъ въ заводскомъ дѣлѣ называется высокій, въ три четверти аршина, горшокъ съ прямыми стѣнками и двумя днами. Нижнее дно тигля меньше верхняго, въ которомъ находится небольшое отверстіе для наложенія массы и выпуска расплавленнаго металла. Тигли формируются изъ огнеупорныхъ смѣсей графита и глины, выдерживающихъ высокую температуру въ 2—3 тысячи градусовъ по Р. Формовка тиглей для сталелитейнаго производства совсѣмъ не была извѣстна въ Златоустѣ, поэтому Обуховъ началъ съ азовъ, выбравъ нѣсколько человекъ заводскихъ рабочихъ и обучивъ ихъ приготовленію и правильной сушкѣ тиглей. Первые тигли, вышедшіе изъ рукъ еще неопытныхъ людей, безпрестанно лопались, не вынося чудовищнаго жара плавильныхъ печей, раскаляемыхъ древеснымъ углемъ, сжигаемымъ при сильнѣйшей тягѣ воздуха.

Понемногу дѣло съ тиглями наладилось, и явилась возможность систематическихъ опытовъ надъ составомъ сплавляемыхъ массъ. Матеріаломъ служили: чугуны, сырцовая сталь, желѣзо, руда магнитнаго желѣзняка, черный шликъ (песокъ), мышьякъ, селитра и глина. Варьяціи въ пропорціяхъ этихъ веществъ записывались весьма тщательно. Затѣмъ, когда расплавленная масса выливалась въ форму, то дальнѣйшія манипуляціи съ охлажденной стальной «болванкой» заключались въ проковкѣ ея и приготовленіи кирасъ, ружейныхъ стволовъ, инструментовъ и т. п.

Странно звучить теперь это слово «кирасса», сорокъ лѣтъ назадъ составлявшая видную часть боеваго вооруженія европейскихъ армій. Казенные заводы, въ томъ числѣ и Златоустовская оружейная фабрика, имѣли отъ военнаго вѣдомства большіе заказы на кирасы для русскихъ войскъ. Прочность ихъ испытывалась боевыми выстрѣлами пресловутыхъ солдатскихъ кремневокъ, которыя съ утра до ночи бухали на заводѣ по пробнымъ кирассамъ, взятымъ на выдержку изъ цѣлой партіи.

Къ цѣли своей Обуховъ подвигался крайне медленно, отчасти вслѣдствіе сложности всего процесса, отчасти по другимъ затрудненіямъ. Въ концѣ 1855 г. неутомимому экспериментатору удалось напасть на такой сплавъ, который давалъ отличную кирассную сталь, не уступающую подобной же крупновской. Кирасы изъ этой вновь полученной литой стали, какъ гласилъ офиціальныи отзывъ,

напечатанный въ «Горномъ Журналѣ», по легкости и сопротивленію ударамъ пуль были даже лучше крупновскихъ. Эта удача наполнила сердце изобрѣтателя великою радостію, заставивъ его съ еще болѣею настойчивостію продолжать свои опыты, которые

Павель Матвѣевичъ Обуховъ.

привели къ полученію пяти сортовъ стали, окончательно вытѣснившей изъ практики оружейной фабрики англійскую сталь.

Не пускаясь въ изложеніе техническихъ подробностей для выясненія разницы между сортами Обуховскаго изобрѣтенія, замѣчу

коротко, что сталь его дѣлится на мягкую и твердую и вообще обладаетъ драгоценнымъ свойствомъ свариться, подобно желѣзу. Что касается стоимости ея, то при крѣпостномъ трудѣ и прочихъ условіяхъ казеннаго заводскаго производства она обходилась въ 1 р. 50 к. за пудъ, тогда какъ пудъ крупновской литой стали привозился изъ-за границы за 5 р. 50 к., не говоря уже объ англійской, стоившей въ три раза дороже предыдущей. Между тѣмъ совершенно точные опыты со стругами для строганья кожъ на ножны къ тесакамъ и шашкамъ доказали, что, выкованные изъ англійской стали, они обдѣлывали только 50—80 кожъ, а струги изъ обуховской стали могли выстрагивать въ тридцать разъ больше!.. Такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствовали отчеты, въ свое время опубликованные въ цитированномъ нами журналѣ. Обуховъ взялъ десятилѣтнюю привиллегію на свое изобрѣтеніе и, какъ увидимъ, пожалъ съ нею обильные лавры.

II.

Литая сталь была изобрѣтена даровитымъ русскимъ человѣкомъ въ чрезвычайно счастливый для нея моментъ. Русская армія въ это время реформировалась, поспѣшно перевооружаясь новыми ружьями и пушками. Только что кончившаяся Крымская война грозно предостерегала отъ квіэтизма и гордаго самоуслажденія патриотическимъ возгласомъ врагу: «шашками закидаемъ». Почти всѣ заводы казенные и частные были завалены заказами на ружейные стволы для нарѣзныхъ штуцеровъ, которыми предполагалось замѣнить смѣхотворныя кремневыя фузеи, выбрасывавшія тяжеловѣсную круглую пулю-дуру (Суворовъ дѣйствительно былъ правъ!) на какіе нибудь двѣсти-триста шаговъ.

Не теряя ни минуты времени, Обуховъ началъ выковывать ружейные стволы изъ своей литой стали. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ отдѣлки первыхъ ствольныхъ, которые должны были рѣшить участь его изобрѣтенія.

— Скоро ли, скоро ли?—торопилъ онъ мастеровъ, обтачивавшихъ стволы ручнымъ способомъ.

— Не раньше, какъ черезъ недѣлю,—отвѣчали они.

— Работайте съ огнемъ... Надзиратель, запиши ихъ въ денную и ночную смѣну,

— Уже сдѣлано, П. М. Стараемся изъ всѣхъ силъ.

Стволы были сдѣланы. Горный начальникъ назначилъ комиссію для испытанія ихъ боевыми зарядами, въ составъ которой вошелъ артиллерійскій офицеръ. Опять забухала стрѣльба на заводѣ, на этотъ разъ особенно громкая, потому что черезъ опредѣленное число выстрѣловъ заряды пороха и пуль увеличивались.

— Больно здорово палить начали!—удивлялись златоустовцы, какъ раскатывается по горамъ звонкое эхо.

— Ишь казеннаго-то пороху не жаль,—замѣчалъ какой нибудь туземный охотникъ, которыми, кстати сказать, Златоустъ полнымъ полнехонекъ.—Лучше бы намъ его выдали—тетерокъ пострѣлять...

Философамъ, конечно, и во снѣ не снилось, что скоро имъ придется слушать громовые звуки пушечной боевой пальбы.

Ружейные стволы обуховской стали вышли изъ испытанія превосходно. Когда надежда на разрывъ или порчу ихъ препала, артиллеристъ предложилъ набить все дуло пулями.

— Это уже, кажется, сверхъ положенія?—возразилъ Обуховъ.

— Тѣмъ лучше для вашей стали,—отозвались члены комиссіи.

Стволы зарядили усиленнымъ зарядомъ пороха и забили его пулями до конца дула. Наложили капсюли, протянули шнуры отъ собачекъ.

— Дергай!—скомандовалъ предсѣдатель.

Пистоны хлопнули, но вмѣсто выстрѣловъ раздались какіе-то странные полувзрывы, напоминающіе шипѣніе и трескъ ракетъ. Оказалось, что пороховые газы, не будучи въ силахъ преодолѣть сопротивленія пуль, вышли черезъ казенники ружей, разворотивъ и частію вырвавъ ихъ.

Актъ результатовъ пробы ружейныхъ стволовъ попалъ въ военное министерство въ маѣ 1857 г. Въ министерствѣ, заинтересованномъ важностью этихъ опытовъ, отнеслись къ нимъ очень серьезно, и военный министръ сдѣлалъ о нихъ докладъ покойному императору Александру II-му. Государь оцѣнилъ изобрѣтеніе Обухова, всемилостивѣйше пожаловавъ ему добавочное содержаніе по 600 р. въ годъ, пока онъ будетъ состоять въ горномъ вѣдомствѣ.

Такая награда и столь высокое вниманіе къ трудамъ простаго русскаго инженера, не имѣвшаго ни связей, ни покровительства, и выбившагося изъ неизвѣстности только благодаря своимъ личнымъ талантамъ, вызвали понятную зависть во многихъ сослуживцахъ Обухова. Сначала они пустили темный, неопредѣленный слухъ, что какой-то молодой инженеръ Юговскаго или Серебрянскаго завода намѣревается заявить претензію на привиллегію, выданную П. М. Слухъ этотъ, не взирая на всю его очевидную несообразность, произвелъ впечатлѣніе и былъ принятъ къ свѣдѣнію. Вскорѣ, именно въ сентябрѣ 1857 г., Обуховъ, по высочайшему повелѣнію, уѣхалъ въ командировку за границу для изученія приготвленія стали и стальныхъ орудій. Сплетники и добровольцы злословія воспользовались отлучкою Обухова, чтобы вдоволь почесать на его счетъ свои языки. Не стѣсняясь уже ничѣмъ, они стали сочинять обстоятельные рассказы о томъ, какъ П. М. систематически спаивалъ проблематическаго «инженера», владѣвшаго секретомъ литой стали; какъ онъ довелъ его до безумія и захватилъ бумаги, содержащія

указанія всѣхъ сплавовъ. Мало-по-малу охотники запачкать грязью репутацію ближняго дошли до того, что называли фамилію несчастнаго инженера, изобрѣтеніе котораго такъ ловко эксплуатировалъ Обуховъ. Словомъ, въ тысячный разъ повторилась старая исторія, свивающая себѣ гнѣздо около каждой талантливой личности, пробивающейся къ славѣ черезчуръ смѣло, настойчиво и энергично...

Въ заграничной командировкѣ П. М. пробылъ полгода. Отчетъ о ней представлялъ подробнѣйшій проектъ изготовленія стальныхъ орудій непосредственно въ Россіи. Проектъ этотъ долго ходилъ по разнымъ инстанціямъ, претерпѣвая судьбу всѣхъ проектовъ, обреченныхъ на обычныя русскія мытарства. Для разсмотрѣнія его назначались коммиссіи, комитеты, собранія и т. п. Слѣдствіемъ ихъ было то, что въ 1859 г. Обухову разрѣшили приступить къ отливкѣ въ Златоустѣ пробныхъ стальныхъ пушекъ, ассигновавъ на этотъ предметъ 85 тысячъ.

Работа въ Златоустѣ закипѣла. Понимая громадную важность возложеннаго на него порученія, Обуховъ почти съ легендарною энергіей началъ дѣлать первыя приготовленія по отливкѣ и обточкѣ орудій. Приходилось выстроить корпусъ литейной съ печами для литой стали, зданіе проковочной съ молотомъ въ 250 п. для проковки пушечныхъ болванокъ и на скорую руку соорудить маленькую сверлильную для сверленія и обточки пушекъ. Неумоимый изобрѣтатель не спалъ цѣлыми ночами, не имѣлъ отдыха и днемъ, поспѣвая то здѣсь, то тамъ, давая указанія по кладкѣ печей, присутствуя при установкѣ только что полученныхъ изъ Бельгіи машинъ, первыхъ паровыхъ машинъ въ Златоустовскомъ заводѣ за время его столѣтняго существованія.

Въ началѣ 1860 г. все было готово. Просушка пушечныхъ формъ, исполненныхъ специалистами-формовщиками изъ тигельной массы, также была окончена. Оставалось перенести ихъ въ литейную и погрузить въ глубокія ямы въ уровень съ поломъ. Наканунѣ отливки Обуховъ пріѣхалъ къ горному начальнику съ докладомъ.

— Когда?.. — спросилъ его тотъ, зная, что ни о чемъ другомъ П. М. рѣчи вести не можетъ.

— Завтра, въ 5 часовъ утра, — отвѣтилъ немного возбужденный управитель оружейной фабрики.

— И никакой остановки быть не можетъ?

— Полагаю — да. Сегодня съ вечера накладывалъ въ тигли сталь. Въ теченіе ночи они должны расплавиться.

— Кто у васъ будетъ присматривать ночью?

— Я самъ. Поручить не могу никому, потому что отъ этого зависитъ успѣхъ первой отливки...

— Значитъ, вы не будете спать цѣлую ночь!.. Совѣтую хоть отдохнуть передъ ночнымъ дежурствомъ. Ждите меня завтра въ литейную.

Рано утромъ слѣдующаго дня, до начала отливки пушекъ, стали съѣзжаться и сходиться въ литейную всѣ чины горнозаводскаго управленія отъ мала до велика. Однихъ влекло сюда естественное любопытство посмотреть на зрѣлище отливки, которое, по слухамъ, обѣщало быть чрезвычайно эффектнымъ, другіе интересовались успѣхомъ и техническими деталями новаго дѣла, могущаго вырости въ нѣчто грандіозное для завода. Въ этой разнокалиберной толпѣ, въ которой простое серебряное шитье чиновниковъ перемѣшивалось съ густыми эполетами и эксельбантами инженеровъ, были и горячіе поклонники главнаго дѣйствующаго лица, и ехидные завистники, желавшіе, чтобы вся его затѣя лопнула мыльнымъ пузыремъ. Немножко сконфуженные тѣмъ, что загадочный «инженеръ», претендентъ на способъ литой стали, все еще не выступаетъ со своими разоблаченіями, они не теряли тайной, хотя и ускользящей надежды, что Обуховъ опозорится со своимъ изобрѣтеніемъ, особенно съ этими пушками, не дававшими имъ покою...

Послышался звонокъ. Дисциплинированная армія заводскихъ рабочихъ, съ загорѣлыми отъ огня лицами, крѣпкихъ и дюжихъ на подборъ, заранее обученная для этого случая, размѣстилась вблизи плавильныхъ печей, давно уже гудѣвшихъ отъ тяги поддуваль и выбрасывавшихъ ослѣпительные лучи бѣлаго свѣта каждый разъ, когда кочегаръ отворялъ небольшую чугунную дверку, закрывавшую устье печи. Жаръ отъ печей былъ невыносимый, такъ что даже привычныя къ огненной работѣ кочегары постоянно подбѣгали къ чанамъ съ холодною водою, чтобы смочить руки, лицо и одежду.

Мастера обошли всѣ печи, заглянули въ нихъ опытнымъ глазомъ, угадывая о готовности стали по степени раскаленности тигельныхъ стѣнокъ, и доложили главному мастеру, что «можно начинать». Послѣдній передалъ объ этомъ Обухову. П. М. вынулъ часы—было почти ровно пять часовъ.

— Второй звонокъ!—приказалъ онъ.

По второму звонку всѣ рабочіе бросились къ чанамъ, обливая себя водою съ головы до ногъ. Каждая пара рабочихъ вооружилась длинными желѣзными кочергами-ухватами для вытаскиванія тиглей и особенными щипцами для переноски ихъ къ мѣсту отливки.

Раздался третій звонокъ. Гудѣніе въ печахъ сдѣлалось тише. Кочегары открыли дверки. Рабочіе быстро просунули туда свои ухваты и ловкими отчетливыми движеніями начали вытаскивать двухпудовые, совсѣмъ бѣлые тигли, ставя ихъ на сухой песокъ, разсыпанный на землѣ. Тигли, возмущенные рѣзкой переменной температуры, разбрасывали мелкія, искрометныя звѣздочки и слегка шумѣли, какъ будто въ нихъ клокотала расплавленная масса. Операція выемки тиглей продолжалась не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Половина этого времени ушла на отмыканіе втулокъ для выпуска стали.

— Къ отливкѣ!—скомандовалъ Обуховъ, зорко глядѣвшій за всѣми дѣйствіями рабочихъ.

Въ одинъ мигъ тигли были взяты въ двуручные щипцы, и рабочіе бѣгомъ пустились съ ними къ четыремъ болваночнымъ формамъ, зіявшимъ своими жерлами на полу литейной. Тонкія струйки жидкой и бѣлой, какъ молоко, стали полились въ нихъ безъ перерыва. Опороженные тигли кидались въ сторону — это были уже ни на что негодный мусоръ, вывозившійся потомъ изъ литейной вмѣстѣ съ пескомъ, землей и т. п. Нѣсколько тиглей лопнули въ печахъ, и сталь вытекла изъ нихъ. Но такъ какъ тамъ же стояли запасные тигли, то они пошли на замѣну лопнувшихъ, и отливка болванокъ завершилась вполне благополучно.

— Блоки!—отдалъ послѣдній приказъ Обуховъ, когда была вылита вся сталь.

Загремѣли блоки, укрѣпленные въ потолокъ зданія, и на желѣзныхъ цѣпяхъ спустились чугунные гнеты, придавившіе содержимое болваночныхъ формъ.

— Bravo, bravo!—закричали въ группѣ, сочувствующей П. М.

Раздались аплодисменты, на этотъ разъ подхваченные всѣми присутствующими. Обуховъ, утомленный бессонною ночью и нервно настроенный во время отливки, вытиралъ платкомъ свое лицо, смущенно раскланиваясь во всѣ стороны. Къ нему подходили, жали его руки, поздравляли съ хорошимъ началомъ дѣла, онъ не успѣвалъ и не могъ отвѣчать на нѣжныя привѣтствія, сыпавшіяся изъ искреннихъ и лживыхъ устъ...

Пока разыгрывалась эта сцена среди сливокъ собравшагося общества, сотня рабочихъ, участвовавшихъ въ отливкѣ, выстроилась въ двѣ шеренги, впереди которыхъ стали мастера.

— Павлу Матвѣвичу Обухову—ура!—закричалъ главный мастеръ, подавая этимъ сигналъ своей рати.

«Ура-а!» прогремѣло, раскатываясь подъ желѣзною крышею, подхваченное сотнею здоровеннѣйшихъ глотокъ, какія когда либо были производимы на свѣтъ Божій.

— Первымъ нашимъ стальнымъ пушкамъ — ура!— снова провозгласилъ мастеръ.

«Ура-а!» оглушительное и раскатистое опять, какъ вихрь, пронеслось по литейной.

Обуховъ выступилъ изъ окружавшей его толпы, снялъ фуражку и низко поклонился.

— Качать...—вымолвилъ кто-то, и Обухова уже подбрасывали кверху могучія руки, привыкшія ворочать семипудовыми стальными и желѣзными крѣпями.

— Bravo, bravo!—въ одинъ голосъ закричала мундирная интеллигенція, воодушевленная этимъ безхитростнымъ выраженіемъ симпатій и преданности къ собрату и неистово аплодировавшая.

— Два дня отдыху... на мой счет угощение—объявилъ П. М. рабочимъ, оправляясь отъ неожиданной манифестаціи, экспромтомъ выпавшей на его долю.

III.

Въ мартѣ 1860 г. три пушки были уже обточены и высверлены, а четвертая должна была явиться въ Петербургъ въ неотдѣланномъ видѣ. Всѣ три пушки имѣли каналъ, равный крупновскимъ, соотвѣтствующей длины и вѣса, такъ какъ проба на петербургскомъ полигонѣ имѣла цѣлью выяснитъ сравнительныя достоинства нѣмецкихъ и русскихъ орудій. Но прежде, чѣмъ готовить свои дѣтища къ отправкѣ въ сѣверную столицу, Обуховъ подвергъ ихъ испытанію на мѣстѣ, въ Златоустѣ. Полигономъ былъ избранъ обширный заводскій прудъ, покрытый толстымъ слоемъ льда. Пушки привозили на саняхъ и ставили на массивный зеленый лафетъ, укрѣпленный у подошвы горы Косотуръ.

Любопытныхъ на эту пробу сбѣжалось со всего завода съ его шестнадцатитысячнымъ населеніемъ. Они съ младенческимъ простодушіемъ тѣснились вблизи лафета, глаза, какъ артиллеристы дѣйствуютъ банникомъ, для очистки совѣсти протирая имъ каналъ отъ металлической пыли, какъ они вскрываютъ картузы съ порохомъ, вкладываютъ въ жерло, заколачиваютъ пыжь и проч.

— Эта, братъ, пороху слопаеть не мало!—замѣчали зрители, подталкивая другъ друга локтемъ.

— Нашимъ винтовочкамъ на цѣлый годъ хватило бы...

— Эхъ, развѣ попросить?

— Сунься-ка, попробуй!..

— Прочь отсюда!—раздался начальнической окрикъ полицей-мейстера.

Толпы разсыпались. Одни взобрались на гору Косотуръ, густо усявъ ея склоны, другіе отступили на почтительное разстояніе къ плотинѣ. Первый выстрѣлъ былъ данъ холостой. Чудный, тихій, солнечный, съ легкимъ морозцемъ, мартовскій день встрѣтилъ его великолѣпнымъ эхомъ, которое прокатилось по горамъ и, вѣроятно, особенно пріятно показалось Обухову, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудія. Каналъ прочистили, осмотрѣли и заложили въ него новый картузъ съ порохомъ.

— Ядромъ!—приказалъ П. М.

Солдатики взяли изъ ящика гладкую чугунную бомбу времени севастопольской кампаніи ¹⁾ и торжественно вкатили ее въ дуло, слегка проталкивая банникомъ.

¹⁾ Исторія этихъ бомбъ довольно поучительна. Златоустовскій заводъ отливалъ ихъ ежегодно десятками тысячъ, но артиллерійскіе пріемщики принимали снаряды ужасно придирчиво, такъ что чуть не 50% поступало въ бракъ и скла-

— Пли!—скомандовалъ старшій фейерверкеръ.

Боевой выстрѣлъ грянулъ сильнѣе холостого, и толпа привѣтствовала его знаками одобренія.

— Смотри, смотри, какъ бомба-то скачетъ!—указывали на прудъ, по которому летѣло ядро, взметая клубы снѣжной пыли. По пути оно чуть было не задѣло собаки, перебѣгавшей по своимъ собачьимъ дѣламъ изъ Демидовской части завода на Ветлужскую. Дворняжка отъ страха перекувырнулась, взвизгнула, поджала хвостъ и стрѣлой помчалась обратно домой.

— Двѣ-три сосенки загубить эта штука на томъ берегу,—разсуждали въ толпѣ, глядя на удаляющееся ядро.

— Сосенки что! Еще налетитъ на когонибудь...

— Ну, туда тоже казаки посланы сторожить дорогу.

Стрѣльба бомбами то изъ той, то изъ другой пушки продолжалась весь день. Ради развлечения артиллеристы направляли орудія на заброшенный каменный сарай, неизвѣстно для чего стоявшій въ прибрежной прудовой рожицѣ, и подъ конецъ разрушили его до основанія.

Немедленно послѣ этой домашней пробы пушки уложили въ ящики-сани и гужевымъ способомъ отправили ихъ въ далекое странствованіе черезъ всю ширину Европейской Россіи, отъ Урала до Финскаго залива.

Въ дорогѣ эти пушки, которыя съ понятнымъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидались въ Петербургѣ, пробыли очень долго. Въ артиллерійскомъ арсеналѣ ихъ нарѣзали, а болванку заново обточили и высверлили. Въ августѣ 1860 г. Обухова вызвали въ Пе-

дывалось въ четырехгранныя пирамиды, заполонившія все мѣсто на площади, предъ арсеналомъ. Но вотъ открылась севастопольская война. Склады боевыхъ припасовъ вблизи театра военныхъ дѣйствій оказались пустыми... Явилась надобность въ экстренномъ снабженіи ихъ всякимъ военнымъ добромъ. Тутъ вспомнили и объ египетскихъ пирамидахъ изъ бомбъ, наваленныхъ на площади Златоустовскаго завода. Телеграфовъ еще не было. Послали традиціоннаго фельдъегеря, который, проскакавъ сломя голову 2300 в., привезъ строжайшій приказъ отправить все забракované снаряды, не медля ни минуты, въ указанные пункты—Севастополь и Владивостокъ. Горное начальство радо было развязаться съ обузой. Въ тотъ же день оно собрало сотню троечныхъ подводъ, нагрузило ихъ всемію надѣвшимъ чугуннымъ балластомъ и отправило ихъ по трактамъ въ Европейскую Россію и Азію, на погибель дерзновенныхъ французовъ и англичанъ, давно уже забрасывавшихъ наши приморскіе города дождемъ ядеръ и гранатъ. То же самое повторилось на другой и на третій день,—такъ въ продолженіе двухъ недѣль. Только благодаря этой генеральной очисткѣ, нахлынувшей подобно океанской волнѣ, удалось избавиться отъ чугунныхъ холмовъ, начинавшихъ обростать мохомъ, травой и даже кустарникомъ. Тѣмъ не менѣе запасъ бомбъ въ Златоустовскомъ заводѣ всегда бывалъ великъ, и имъ-то суждено было играть роль въ боевой стрѣльбѣ изъ новѣйшихъ стальныхъ пушекъ, потому что гладкій ненарѣзной каналъ ихъ пока не допускалъ употребленія ядеръ, обшитыхъ мѣдными или свинцовыми кольцами.

тербургъ для присутствованія при испытаніи приготовленныхъ орудій.

Проба началась 26 ноября съ трехфунтоваго заряда пороха Охтенскаго пороховаго завода. Всѣхъ выстрѣловъ предположено было сдѣлать 4.000. Черезъ каждую тысячу выстрѣловъ мѣнялся въ затравкѣ мѣдный винтъ, вставлявшійся во избѣжаніе поврежденія (разстрѣла) въ этой точкѣ орудійнаго тѣла. Обращалось вниманіе какъ на состояніе канала послѣ извѣстнаго числа выстрѣловъ, такъ и на полетъ ядеръ. Со второй тысячи зарядъ пороку увеличенъ на одинъ фунтъ, и эта пропорція оставлена до конца пробы. Черезъ три тысячи выстрѣловъ правильность полета ядра нисколько не измѣнилась.

Такой прекрасный результатъ трехъ четвертей всего комплекта выстрѣловъ обезпечивалъ уже за пушкой благополучность окончанія пробы. Поэтому высшее начальство Обухова, министръ финансовъ, нашель своевременнымъ войти къ государю императору съ представленіемъ о награжденіи П. М. за труды по орудійному производству. Тутъ очевидно уже сказалось не рѣдко повторяющееся въ извѣстныхъ сферахъ соперничество въ наградѣ человѣка, заслуги котораго говорятъ сами за себя. Хотя выдѣлка орудій несравненно ближе касалось вѣдѣнія военнаго министра, чѣмъ изобрѣтеніе литой стали, за которую военный министръ четыре года передъ тѣмъ выхлопоталъ солидную прибавку къ жалованью Обухова,—но министръ финансовъ, завѣдывавшій тогда горными заводами, не хотѣлъ вторично пропустить случая наградить своего подчиненнаго. Очевидно, Обуховъ дѣлался *persona grata*, и министры старались о немъ одинъ передъ другимъ.

Въ февралѣ 1861 г. на Обухова опрокинулся рогъ изобилія всяческихъ наградъ и отличій: 3-го числа онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени, черезъ 6 дней его произвели за отличіе въ полковники, и, кромѣ того, высочайше повелѣно уплачивать ему по 50 к. съ пуда приготовленныхъ къ сдачѣ орудій и по 35 к. съ пуда орудійныхъ болванокъ и сортовой стали, приготовленныхъ по заказамъ правительства.

Послѣдніе выстрѣлы четвертой тысячи дѣлались уже въ мартѣ 1861 г., т. е. черезъ три мѣсяца отъ начала испытанія обуховской пушки.

Сохранился рассказъ, что будто бы покойный императоръ Александръ II, которому ежедневно докладывали о ходѣ пробы, изволилъ лично присутствовать на окончаніи ея 8-го марта. Зная Обухова и его заслуги по горнолитейному дѣлу, императоръ спросилъ инженера:

- Увѣренъ ли ты, что твоя пушка выдержитъ?
- Вполнѣ увѣренъ, ваше величество!—отвѣчалъ П. М.
- А чѣмъ ты это докажешь?

— Тѣмъ, что если вы позволите, то я сяду на нее верхомъ, и пусть стрѣляютъ, сколько хотятъ...

Государь улыбнулся и снисходительно добавилъ:

— Пожалуйста, не вздумай этого дѣлать! Я и такъ отъ всѣхъ слышу, что пушка выше похвалъ и пробу перенесетъ хорошо.

8-е марта 1861 г. было кульминаціонной точкой торжества самого Обухова и окончательнымъ поворотомъ къ освобожденію отъ дорогой крупновской монополіи, связавшей русское правительство контрактомъ на поставку стальныхъ пушекъ по 52 р. за пудъ ¹⁾, тогда какъ только что замолокнувшее отъ безпрестанной стрѣлбы обуховское орудіе обошлось казнѣ по 16 р. 50 к.—разница чувствительная... Въ воспоминаніе этого обстоятельства первую русскую стальную пушку съ почетомъ отправили въ артиллерійскій арсеналь, откуда она попала въ артиллерійскій историческій музей, устроенный въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости.

Къ развитію сталелитейнаго производства до самыхъ широкихъ размѣровъ казна не остановилась ни передъ какими затратами. Было сдѣлано распоряженіе объ открытіи Златоустовской сталепушечной фабрикѣ почти неограниченнаго кредита, такъ чтобы она могла ежегодно готовить не менѣе 500 стальныхъ орудій разнаго калибра, отъ легкихъ полевыхъ до тяжелыхъ осадныхъ, крѣпостныхъ и морскихъ.

Съ этого момента начинается золотой вѣкъ Златоустовскаго завода, тянувшійся, впрочемъ, весьма не долго,—всего 6 лѣтъ. Теперь, при ретроспективномъ взглядѣ на ходъ пушечностального дѣла въ Россіи, кажется просто непонятнымъ, что центромъ его былъ избранъ заброшенный и мало кому извѣстный казенный уральскій поселокъ, лежавшій среди горныхъ отроговъ, на границѣ Европы съ Азіей. Теперь никто и не затруднится указаніемъ причинъ, почему оно такъ скоро было кинуту тамъ, будучи перенесено, какъ увидимъ, въ другіе пункты Россіи.

Обуховъ возвратился въ Златоустъ, увѣнчанный лаврами побѣдителя, предъ которыми невольно склонилось всякое злословіе, и замолокли самые невоздержные языки. Ему даже устроили торжественную встрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода съ шампанскимъ и тостами, а въ самомъ Златоустѣ инженерное общество рѣшило въ честь его дать балъ-монстръ, до сихъ поръ памятный немногимъ доживающимъ сподвижникамъ П. М. Мѣстомъ бала служило «благородное собраніе», правомъ входа въ которое пользовались только горные инженеры и классные чиновники заводскаго управленія. Шампанское, конечно, лилось рѣкой. На ужинъ подавались медвѣжья окорока, олени языки, туземная форель, всевозможная лѣсная и болотная дичь и... колоссальная пирамида изъ

¹⁾ Горный Журналъ, 1861 г., № 3-й.

жареныхъ воробьевъ, которые въ теченіе недѣли ловились сотнями по дворамъ и огородамъ обывателей. Многочисленные тосты за здоровье царствующихъ особъ и самого героя бала сопровождались выстрѣлами изъ мѣднаго единорога, этого «послѣдняго изъ моги-канъ», поставленнаго на улицѣ передъ домомъ собранія и гулко привѣтствовавшаго рожденіе новыхъ орудій.

По своему обыкновенію, Обуховъ не медлилъ, да и нельзя было медлить, потому что заказъ на ежегодную выдѣлку 500 орудій требовалъ расширенія всего производства, первыя ячейки котораго только-что были заложены въ предыдущихъ годахъ. Не говоря уже объ увеличеніи литейной, требовалось выстроить новое зданіе сверлильной, способной обточить и высверлить такую массу стальныхъ пушекъ, поставить другой паровой молотъ вѣсомъ въ 500 п.,—наконецъ, заготовить почти невѣроятное количество дровъ и угля, которые и понынѣ употребляются въ качествѣ горючаго матеріала на всѣхъ уральскихъ заводахъ.

Два года, 1861 и 1862-й, ушли на эту грандіозную созидательную работу, результатомъ которой явилось нѣсколько монументальныхъ корпусовъ, гдѣ пушки подвергались всевозможнымъ операціямъ, прежде чѣмъ поступить на испытаніе комиссіи, принимавшей ихъ въ военное вѣдомство.

Небывалое оживленіе строительной и фабричной дѣятельности Златоуста отразилось и на самомъ заводѣ. Ни для кого не составляло секрета, что заводъ не только кормится около своихъ кричныхъ, прокатныхъ, литейныхъ и т. д., но многіе и совсѣмъ откармливаются, нагуливая, по выраженію Щедрина, пупокъ, заплывая жиркомъ, возведя прочные фундаментальные домики и въ заключеніе прибрѣтая на черный день серіи государственнаго казначейства, обезпечивающія отъ какихъ угодно случайностей превратной судьбы. Но все это дѣлалось потихоньку да помаленьку, въ теченіе цѣлаго столѣтія, и особенно въ глаза не кидалось. Притокъ миллионныхъ капиталовъ раздражилъ аппетиты и скоро сказался въ феерическомъ сооруженіи болѣе или менѣе затѣйливыхъ палаццо. Многочисленная стая заводскихъ надзирателей и вахтеровъ, набранная изъ подходящихъ конторскихъ служащихъ, радостно припала къ сладкому казенному пирогу и поѣдала его съ чисто волчьей жадностью.

Типъ заводскаго надзирателя или низшей его ступени, вахтера, есть въ своемъ родѣ мѣстная историческая достопримѣчательность, заслуживающая изученія наравнѣ съ геологическою эпохою, вызвавшею образованіе Уральскихъ горъ. Обыкновенно круглая невѣжда съ подобострастнымъ взглядомъ, ограниченная и узкая натура, съ грѣхомъ пополамъ умѣющая писать, не стѣсняясь грамматикой,—надзиратель является характернѣйшимъ выразителемъ нравственныхъ тенденцій низшей конторской братіи, выживаю-

щей тепленькія мѣстечки за своими «пятыми» и «девятыми» бухгалтерскими книгами. Съ дѣтскихъ пеленокъ приученная смотрѣть на казенное добро, какъ на источникъ личнаго благосостоянія, эта крѣпко сплоченная между собою хищная толпа приказенькихъ ¹⁾, какъ идеаль всѣхъ своихъ вождельній, рисуетъ себѣ въ отдаленной перспективѣ должность надзирателя, ради которой она готова цѣлыми годами пресмыкаться подъ мрачными сводами конторъ на самыхъ мизерныхъ окладахъ «по штатамъ 1847 г.». Зато дорвавшись до назначенія надзирателемъ магазина, склады котораго простираются на сотни тысячъ, «калифъ на часъ» рвалъ, сколько умѣлъ и хотѣлъ. Такъ обстраивался Златоустъ сто лѣтъ, сгоралъ, снова строился и... обстроился-таки.

Высшее начальство, въ лицѣ управителей и даже начальниковъ казенныхъ заводовъ того времени, также не было безупречно въ добросовѣстномъ отношеніи къ казенному добру. Держась того правила, что около казеннаго воробья благоденствуетъ цѣлая семья, оно весьма снисходительно смотрѣло на продѣлки надзирателей, участвуя съ ними въ дѣлежѣ добычи, конечно, отхватывая себѣ львиную долю. Это покровительство сверху, эта круговая порука въ обираниі многотерпѣливой казны, бывшая лозунгомъ для цѣлой эпохи русской исторіи, создали стройную систему хищничества, въ которой лишь для виду существовали и бухгалтерія, и контроль, и разсмотрѣніе отчетовъ въ главныхъ конторахъ округовъ...

Обуховъ отлично зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но былъ совершенно безсиленъ противодѣйствовать стяжательнымъ поползновеніямъ участниковъ въ его трудахъ. Онъ работалъ, какъ волъ, соображая каждую копейку расхода, которая могла отозваться на стоимости пуда орудій, а кругомъ него происходили пьяныя вакханаліи, и деньги сорились безъ счету...

IV.

Вниманіе высшихъ сферъ, которое Обуховъ успѣлъ возбудить къ себѣ и своей дѣятельности, не оставляло его и во время пребыванія въ Златоустѣ. Такъ, въ маѣ 1861 г. его высочество генералъ-фельдцейхмейстеръ назначилъ П. М. членомъ-корреспондентомъ ученаго артиллерійскаго комитета, а въ началѣ декабря того же года онъ былъ опредѣленъ горнымъ начальникомъ златоустовскихъ заводовъ съ оставленіемъ въ должности директора строящейся пущечной Князе-Михайловской фабрики—названіе, свидѣтельствующее о сочувствіи великаго князя Михаила Николаевича, которымъ пользовался Обуховъ.

¹⁾ Всѣ конторскіе служащіе казенныхъ заводовъ мѣстнымъ населеніемъ называются приказными, или иронически—«приказенькими»...

Между тѣмъ, работы на фабрикѣ продолжались своимъ чередомъ. Въ первое время готовились только легкія полевыя пушки, для проковки которыхъ достаточно было молота въ 250 п. Затѣмъ, съ окончаніемъ корпуса и установки въ немъ молота въ 500 п. было приступлено къ отливкѣ тяжелыхъ орудій отъ 100 и болѣе пудовъ. Работа этого гиганта, удары котораго были слышны за 10 верстъ отъ завода, привлекала къ себѣ столько же любопытныхъ, сколько первая проба пушекъ у подошвы горы Косотуръ. Управлявшій молотомъ машинистъ, обученный изъ заводскихъ мастеровыхъ, просто игралъ своимъ чудовищемъ, выдѣлывая имъ въ антрактахъ всевозможные фокусы, возбуждавшіе восторгъ и удивленіе зрителей.

— Клади часы, не бойся, не разобью!—кричалъ онъ съ вышки.

Часы клали, молотъ опускался на наковальню со всего размаху, казалось, что отъ часовъ не должно бы остаться и слѣдовъ, но ихъ снимали съ чугунной платформы невредимыми.

— Ахъ, шутъ тебя бери!..—воскликнула публика.—Ну, молодецъ же ты, Харитонъ, право слово, молодецъ!

— Кто хочетъ кулакъ положить?—предлагалъ Харитонъ.

— Ишь чего захотѣлъ!.. Ты бы ужъ говорилъ прямо—голову...

— И голову все равно: цѣла будетъ... Ну, да голова у человѣка одна, а кулака-то два: если одинъ размозжу, то другой останется... Эхъ, дураки! клади кулакъ смѣло... Али Харитону Иванучу не вѣрите?..

Какой-то храбрецъ изъ толпы не то ради бравады предъ собравшимися, не то вѣруя въ искусство Харитона, и впрямь хотѣлъ было подойти и положить кулакъ на наковальню, но надзиратель поспѣшилъ его прогнать:

— Убирайся, прочь, шальная башка! Еще въ отвѣтъ изъ-за тебя, дурака, попадешь.

— Напрасно, Василій Макарычъ,—замѣтилъ посмѣивающійся Харитонъ:—вѣдь его только вѣтромъ бы здорово отшибло, да шишку на затылокъ присадило.

Въ самомъ дѣлѣ, движеніе воздуха, вытѣсняемаго быстрымъ паденіемъ тяжелой громады, было такъ сильно, что вблизи молота человѣкъ почти не могъ держаться на ногахъ. Рассказываютъ, что на какомъ-то большомъ заводѣ, гдѣ дѣйствовалъ молотъ въ 3.000 пудовъ, случилось трагикомическое происшествіе, доказывающее, на сколько бываетъ велико давленіе воздуха, стремительно выталкиваемого въ стороны при работѣ подобныхъ чудовищъ. Осмотрѣвъ этотъ заводъ явился чиновный посѣтитель вмѣстѣ со своей маленькой дочкой. Пока онъ разговаривалъ съ провожавшимъ его инженеромъ, ребенокъ взобрался на чугунную платформу поднятаго молота и преспокойно тамъ разгулывалъ, наблюдая, какъ артель рабочихъ собирается вытащить изъ раскаленнаго горна стальную штуку, назначенную къ проковкѣ. Одинъ мигъ: стальная вещь

была вытащена и сунута на наковальню, посѣтитель не успѣлъ ни ахнуть, ни крикнуть дочери объ опасности, какъ паръ свистнулъ, и молотъ грохнулся на свою жертву... Чиновная особа закрыла лицо руками и приготовилась упасть въ обморокъ.

— Папочка, гдѣ ты?... раздался звонкій голосокъ плачущей малютки, когда молотъ опять поднялся для новаго удара.

Все объяснилось очень просто: дѣвочка стояла на краю платформы и, будучи отброшена въ сторону воздушнымъ токомъ, отдѣлалась только легкими ушибами. Перепуганный отецъ схватилъ ребенка на руки и, не желая продолжать осмотра, бѣгомъ удалился съ завода.

Вслѣдъ за паровымъ молотомъ въ 500 пудовъ была готова къ дѣйствию и новая сверлильная, протянущаяся чуть не на 100 сажень. Въ ней спѣшно раскупоривали горы привезенныхъ изъ Бельгіи ¹⁾ ящиковъ, устанавливали станки, маховыя колеса, соединяли ихъ приводами; наконецъ, это отдѣленіе пушечной съ его стройнымъ, необозримымъ рядомъ машинъ также пришло въ движеніе. Послѣ литейной, гдѣ безъ личнаго труда и силы человѣка не могла появиться ни одна болванка, и даже послѣ проковочной, гдѣ человѣческая сила и энергія, всетаки, еще играли весьма замѣтную роль,—сверлильная казалась царствомъ пара и желѣза, въ которомъ личность человѣка ступевывалась, уничтожалась, сводилась на ничто. Здѣсь слышался только тонкій скрипъ разрѣзаемой рѣзцомъ стали, легкій шумъ вертящихся маховиковъ, да осторожный шорохъ ремней, торопившихся передать шестернямъ страшную силу поршней. И среди математически точно работавшихъ станковъ лишь изрѣдка мелькали замасленные фигуры рабочихъ, словно заблудившіяся тѣни мертвецовъ, явившихся въ судилище царя Миноса.

Пріемка орудій комиссіей заключалась въ испытаніи ихъ боевыми выстрѣлами, для котораго была выбрана низменная долина, расположенная въ срединѣ горъ, недалеко отъ завода. Долину эту расчистили, построили въ ней хорошо блиндированный землю и дерномъ павильонъ, бокъ одной горы, назначенной служить мишенью, нѣсколько срыли—и полигонъ вышелъ хоть куда. Всѣ пушки сортировались на партіи, кажется, по 50 штукъ въ каждой, и затѣмъ изъ партіи бралось одно орудіе для производства испытанія опредѣленнымъ числомъ зарядовъ. Но прежде чѣмъ представлять пушки комиссіи, заводоуправленіе съ своей стороны самымъ тщательнымъ образомъ осматривало ихъ: первый разъ по выходѣ изъ литейной, второй—изъ проковочной и третій—изъ сверлильной.

Такая многократная и сложная экспертиза была абсолютно необходима, потому что, какъ вынутая изъ формы болванка могла

¹⁾ Доставка этихъ машинъ на лошадахъ обходились по 1 р. съ пуда, не считая перевозки моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ.

имѣть наружныя раковины, такъ откованная подъ паровымъ молотомъ она могла дать трещины—признакъ внутренней пустоты, близкой къ поверхности тѣла пушки. Та же раковина или другой порокъ нерѣдко оказывались въ каналѣ уже высверленнаго и совершенно готоваго орудія. Нѣкоторыя партіи пушекъ получались чрезвычайно капризны и давали большой процентъ брака. Обуховъ, заинтересованный въ производствѣ морально и матеріально, старательно изслѣдовалъ всѣ причины, вліявшія на повышение количества забракованныхъ болванокъ или отдѣланныхъ орудій, и почти всегда достигалъ своей цѣли.

Однажды, чуть не вся партія болванокъ вышла изъ литейной съ изъяномъ. П. М. назначилъ слѣдствіе, которое не дало никакого результата. Тогда онъ объявилъ награду тому мастеру, который укажетъ причину необычайной раковистости болванокъ. Мастера воодушевились и принялись еще внимательнѣе наблюдать за процедурой отливки, отъ кладки состава въ тигли до выпуска изъ нихъ стали. И вотъ, послѣ ряда ночныхъ бдѣній, а, можетъ быть, и при посредствѣ подкупленнаго или угощеннаго водкой кочегара, одному мастеру удалось узнать, что весь секретъ выхода болванокъ съ раковинами заключается въ тайномъ подкладываніи кочегарами въ тигель шлака и углей... Нужно сказать, что кочегары получали плату поштучно, съ расплавленнаго въ печи тигля. Для этого они должны были поддерживать въ печахъ ровный огонь всю ночь, то-есть не спать часовъ 12—15, подбрасывая угли почти непрерывно. Но сонъ неволью смыкалъ вѣки, время уходило. Проснувшійся рабочій, опасаясь вычета за нерасплавившійся тигель, осторожно вскрывалъ его пробку и бросалъ внутрь горшка смѣсь изъ шлака и углей: послѣ этого масса плавилась очень скоро, но зато сталь въ болванкѣ давала раковины. Обѣщанная награда за открытіе секрета была вручена, и бракъ цѣлыми партіями прекратился.

Пробные выстрѣлы на полигонѣ гремѣли весь годъ, съ ранняго утра до поздняго вечера. Давно уже всѣ привыкли къ этимъ выстрѣламъ, какъ привыкаютъ къ біенію собственнаго пульса, и никто не удостоивалъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ, помирившись съ мыслью превращенія желѣзодѣлательнаго и оружейнаго завода въ литейно-пушечный. При томъ же это превращеніе было крайне выгодно, ибо при перемѣнившихся условіяхъ крѣпостнаго труда на вольнонаемный ¹⁾ давало отличный заработокъ въ новыхъ мастерскихъ, созданныхъ, благодаря только пушечному производству. Рабочій кризисъ, который переживали въ это время всѣ заводы, для Златоуста не только не существовалъ,

¹⁾ На уральскихъ горныхъ заводахъ отмѣна крѣпостнаго труда запоздала на цѣлый годъ, будучи объявлена въ мартѣ 1862 г.

но, какъ бы въ насмѣшку, совпалъ съ золотымъ вѣкомъ его столѣтней эры.

Принятая комиссией орудія отправлялись изъ Златоуста гужевымъ способомъ, на лошадяхъ, до ближайшей (гор. Бирскъ) пароходной пристани на рѣкѣ Бѣлой, а также съ весеннимъ «караваномъ» барокъ, сплавлявшихся по рѣкамъ камско-волжской системы съ первымъ половодьемъ. Въ Златоустѣ барки строили на низменной мѣстности, высоко заливавшейся полою водою. Къ сооруженію барокъ приступали съ осени и продолжали всю зиму. Обыкновенно изготовливали ихъ отъ семи до десяти штукъ, длиною 30, шириною 6 сажень. На одной баркѣ ставилась досчатая избушка, «конторка», предназначенная для помѣщенія начальника каравана, караваннаго, выбираемаго изъ заводскихъ служащихъ. Эта барка называлась «казенкою», и на ней развѣвался маленький красный флагъ — знакъ того, что барки идутъ съ казеннымъ добромъ. На прочихъ баркахъ роль начальника игралъ лоцманъ, зорко слѣдившій за ходомъ судна и безпрестанно кричавшій рабочимъ: «носъ направо, корма налѣво!» или обратно. Плавать на караванѣ считалось дѣломъ не безвыгоднымъ и интереснымъ по новизнѣ впечатлѣній послѣ замкнутой жизни на заводѣ. Поэтому охотниковъ до путешествія на баркахъ отыскивалось много, а побывавшіе въ караванѣ счастливыцы долго потомъ рассказывали о видѣнномъ и слышанномъ ими во время шестимѣсячнаго отсутствія изъ своихъ родныхъ горъ.

Отправка пушекъ съ караваномъ обходилась гораздо дешевле гужеваго способа, но представляла тѣ невыгоды, что барки иногда садились на мель, иногда разбивались о подводные камни. Въ первомъ случаѣ весь грузъ нужно было перевозить на берегъ и транспортировать его далѣе уже на лошадяхъ, а во второмъ — вытаскивать изъ воды, отрывать изъ наноснаго песку и ила, тратиться на очистку его и т. д. Масса неудобствъ, сопряженныхъ съ караванною отправкою, вынудила заводууправленіе совсѣмъ отмѣнить постройку барокъ въ Златоустѣ, оставивъ ихъ только на Саткинской пристани, болѣе чѣмъ на 50 верстъ ниже по рѣкѣ Ай.

Транспортировка орудій составляла самое больное мѣсто учрежденія сталепушечнаго завода въ Златоустѣ, потому что накладные расходы по этой операціи ложились на цѣну пуда весьма тяжелымъ бременемъ. Не смотря на это, магическое имя Обухова превозмогало все, и заводъ съ каждымъ годомъ развивалъ свою дѣятельность. Такъ, не довольствуясь молотомъ въ 500 пудовъ, былъ выписанъ молотъ въ 1.000 пудовъ и даже построенъ для него чудовищный по размѣрамъ кирпичный корпусъ; по литейной и сверлильной также предпринятъ цѣлый рядъ улучшеній, стоившихъ огромныхъ затратъ. Вообще же на постройку пушечнаго завода или Князе-Михайловской фабрики, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ ма-

шинъ и т. п., ушло не менѣе милліона, затрата столь солидная, что не допускала и мысли о прекращеніи здѣсь этого производства. Самъ виновникъ затѣяннаго предпріятія, душа его, продолжалъ получать лестныя награды, ободрявшія его для будущихъ трудовъ: въ концѣ 1862 г. на лондонской выставкѣ ему была присуждена медаль за пушку литой стали, а въ апрѣлѣ 1863 г. онъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Но... гдѣ-то далеко-далеко нарождался грозный врагъ Златоустовскому заводу съ его кипучей работой по отливкѣ пушекъ, съ его, заставлявшими дрожать обывательскія окна, раскатами пушечныхъ выстрѣловъ. Врагъ этотъ былъ—предпріятое правительствомъ рѣшеніе основать еще два сталелитейныхъ завода: одинъ на рѣкѣ Камѣ, около Перми (Мотовилиха), другой на рѣкѣ Невѣ, близъ Петербурга.

Первымъ былъ открытъ пермскій заводъ, начальникомъ котораго, по указанію Обухова, назначенъ его сотрудникъ, подполковникъ Воронцовъ. Второй еще не начиналъ своей дѣятельности, но высшая власть, думая о выборѣ для него начальника, колебалась не долго, и въ концѣ 1863 г. П. М. былъ командированъ министромъ финансовъ въ Петербургъ «для указанія тамъ во вновь учрежденномъ сталелитейномъ заводѣ техническихъ приспособленій и удобствъ»...

Эта важная новость не была оцѣнена въ Златоустѣ почти никакъ. Кое-кто радовался удаленію Обухова, какъ черезчуръ строгаго и взыскательнаго дѣятеля; кое-кто печалился за потерю въ его лицѣ покровителя и благорасположеннаго начальника. О судьбѣ завода не беспокоились ни тѣ, ни другіе, считая ее прочной и непоколебимой. Обуховъ уѣхалъ, принявъ отъ сослуживцевъ балъ въ томъ же дворянскомъ собраніи, въ которомъ его чествовали два года назадъ. Опять лилось шампанское, опять подавались на ужинъ лакомыя блюда мѣстной живности, а послѣ бала многіе сослуживцы П. М. провожали его десятки верстъ, надѣлая всевозможными пожеланіями и привѣтствіями.

V.

Съ отъѣздомъ Обухова пушечное дѣло въ Златоустѣ не остановилось, и попрежнему шло такъ же отчетливо, плавно и спокойно. Казалось, что не случилось ничего особеннаго. Между тѣмъ наблюдательному человѣку легко было замѣтить, что лихорадка построекъ и улучшеній какъ-то сразу затихла, и тысячепудовый молоть со всѣми его принадлежностями лежалъ безъ употребленія на прежнемъ мѣстѣ.

Черезъ нѣкоторое время изъ Петербурга было получено официальное предложеніе мастерамъ стального и пушечнаго дѣла от-

правиться на службу на новомъ заводѣ, при чемъ условія для этого ставились самыя заманчивыя. Избранные П. М. мастера немедленно согласились и на казенный счетъ уѣхали къ далекимъ невскимъ берегамъ.

— Что бы это значило?—вопрошали другъ друга озадаченные златоустовцы.

— Гляди не спроста: не прихлопнули бы нашъ заводъ.

— Ну!.. Кабы хотѣли это сдѣлать, не стали бы выписывать «машину» въ 1.000 пудовъ...

— И то правда... А всетаки сомнительно!..

Долго сомнѣваться не пришлось. Пермскій стале-пушечный заводъ также ощутилъ надобность въ тысячепудовой «машинѣ», которую, по чьему-то незримому внушенію, какъ «ненужную пока» въ Златоустѣ, и предписали отправить въ Мотовилиху. Предписаніе подѣйствовало на всѣхъ опешелояющимъ и подавляющимъ образомъ. Въ немъ еще ни слова не говорилось объ окончательномъ прекращеніи пушечнаго производства, но для каждаго было ясно, что смертный приговоръ заводу подтвержденъ, и агонія его уже начинается...

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и даже со слезами на глазахъ принялись заводскіе рабочіе взваливать на большія сани послѣдній свой оплотъ, послѣднюю надежду на продолженіе пушечной дѣятельности, приносившей такіе доходы трудолюбивому и быстро освоившемуся съ ней населенію.

— Эхъ, кабы былъ здѣсь Павелъ Матвѣевичъ, ничего бы этого не вышло!—говорили тѣ самыя литейщики, которые кричали «ура» и качали Обухова послѣ первой отливки первыхъ пушекъ.

— Прощай, братъ! Такъ и не поработалъ ты у насъ... Лежалъ только колода-колодой...

Вереница лошадей дружно натянула веревки отъ массивныхъ саней, на которыхъ лежала «колода», и она неспѣшно поѣхала по дорогѣ въ Пермь. При выѣздѣ изъ предмѣстій молотъ вздумалъ отомстить за долготннее бесполезное пребываніе въ стогнахъ завода и, раскатившись на ухабѣ, вмигъ снесъ избушку одной веселой молодой вдовицы. Сама хозяйка спаслась отъ неожиданной смерти только тѣмъ, что находилась въ числѣ любопытныхъ, глазѣвшихъ на отъѣздъ чугунаго колосса.

Не замедлило явиться и предписаніе о закрытіи Князе-Михайловской фабрики. Оно не прибавило ничего въ переполненныя горечью сердца обывателей, ждавшихъ себѣ грозы съ покорностью людей, приученныхъ ко всевозможнымъ капризамъ своего властолюбиваго начальства. Это случилось въ 1866 г. Въ томъ же году произошло другое печальное событіе — разрывъ ядромъ мужика, проѣзжавшаго по направленію выстрѣловъ, выпускаемыхъ на полигонѣ изъ послѣднихъ пушечныхъ партій, которыми завершалась

серія, приготовленныхъ въ Златоустѣ орудій. Несчастный выѣхалъ въ лѣсъ за дровами и, судя по положенію тѣла, кажется, сладко спалъ. Ядро, ударившись въ мерзлую землю вала, сдѣлало рикошетъ и, взвившись на воздухъ, опустилось для того, чтобы переѣчь пополамъ неосторожнаго путника.

Когда наступила ликвидація пушечнаго дѣла въ Златоустѣ, то всѣ станки и машины, выписанные изъ Бельгіи, были отправлены въ Пермь, а печи и горны сломаны или приспособлены къ другимъ производствамъ, на примѣръ, къ приготовленію весьма дешевой «мартеповской» стали и т. п. Единственнымъ памятникомъ бывшаго пушечно-литейнаго завода служатъ орудійныя болванки (на почтенную сумму—до 100 т.), бесполезно валяющіяся у горы Косотуръ, которой суждено было видѣть какъ пробу первыхъ стальныхъ пушекъ, встрѣченныхъ съ восторгомъ въ Петербургѣ, такъ и горестную судьбу, постигшую все это грандіозное предпріятіе. Sic transit gloria mundi!.

II. Падучевъ.

